

Виталий Бернштейн

Литературные заметки

Виталий Бернштейн

Литературные заметки

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=182847*

Аннотация

В сборник вошли статьи «Еще об Илье Эренбурге и других», «Непричесанный цирюльник» (о фильме Н. Михалкова «Сибирский цирюльник»), «Что есть поэзия?» и «Перечитывая Булгакова».

Содержание

Еще об Илье Эренбурге и других	4
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Виталий Бернштейн

Литературные заметки

Еще об Илье Эренбурге и других

В газете «Новое русское слово» появилась недавно статья Бориса Парамонова, в которой рассматривается вопрос, не был ли причастен Эренбург к разгрому Еврейского антифашистского комитета. Как известно, в годы Великой Отечественной войны этот комитет сделал очень многое для антигитлеровской пропаганды, особенно в США. А после войны его члены по приказу Сталина были арестованы в 1949 г. и расстреляны в 1952 г.

Существуют воспоминания одного израильского журналиста, сидевшего в послевоенных сталинских лагерях и слышавшего там, будто Эренбург выступал главным свидетелем обвинения на процессе Еврейского антифашистского комитета. Однако этим воспоминаниям Борис Парамонов справедливо противопоставляет слова единственного выжившего члена комитета – академика Лины Штерн. Как она утверждала, «на суде не было вообще никаких свидетелей». И это звучит вполне правдоподобно. В сталинские времена закрытые политические процессы происходили иногда не только без свидетелей, но порой и без самих обвиняемых – просто

по материалам дела. А вот имелись ли свидетельские показания Эренбурга в деле Еврейского антифашистского комитета — об этом можно будет сказать с уверенностью, только перелистав все тома следствия страницу за страницей. Я не встречал в литературе каких-либо упоминаний, что такая попытка предпринималась.

Перечитав немало у Эренбурга и про Эрнбурга, рискну, однако, высказать кое-какие предположения. Сам Илья Григорьевич добровольно к лубянским «мясникам» со своими показаниями не пошел бы; все-таки был от природы порядочным, интеллигентным человеком. А вот если бы «предложили», боюсь, мог и повторить то, что хотелось услышать следователям.

Представляю, как возмущатся, прочитав сказанное выше, многочисленные поклонники Эренбурга. Поэтому постараюсь привести некоторые обоснования.

В своих воспоминаниях «Люди, годы, жизнь» Эренбург подробно описывает приметы московской жизни после его возвращения из Испании в декабре 1937 г.: «Полночи она [дочь Эренбурга] и Лапин рассказывали нам о событиях; лавина имен, и за каждым одно слово — ‘взяли’... В кругу моих знакомых никто не был уверен в завтрашнем дне; у многих были наготове чемоданчики с двумя сменами теплого белья... Я понимал, что людям приписывают злодеяния, которых они не совершали, да и не могли совершить» (кн. 4, гл. 26). Казалось бы, автор прозрел: система, которой он служил

верой и правдой столько лет, обернулась кровавой мясорубкой.

Но на следующей же странице воспоминаний – и от своего имени, и от имени всего замученного народа – Эренбург неожиданно прокламирует следующее: «Я знал, что ни я, ни мои друзья, ни весь наш народ никогда не отступятся от Октября»... И эти далекие от правды, «верноподданные» слова написаны уже в «вегетерианские» шестидесятые годы, когда их отсутствие в тексте не грозило автору ни расстрелом, ни арестом. Что это – полный распад мышления? Но ведь в наблюдательности, умении остро анализировать, когда дело касалось германского фашизма, да и западных демократий, Эренбургу не откажешь. Или это – самообман от отчаяния: страшно признать, что всю жизнь служил злу? Или же, наконец, это – просто циничная уверенность в том, что читатель забывчив и все съест?

Боюсь, Эренбург иногда рассчитывал именно на такую короткую память читателя. Приведу следующий пример. В той же четвертой книге воспоминаний глава 21 посвящена Хемингуэю, встречаю с ним Эренбурга в Испании. Впервые они увиделись и познакомились в мадридском отеле «Гейлорд», в номере Михаила Кольцова. Как пишет Эренбург, «я начал ему объясняться в любви», «мы долго смеялись». Эренбург не забывает упомянуть, что у него есть фотография, где в группе участников испанский событий снят он и Хэмингуэй, что другая фотография, на которой они оба, помещена в

одной из американских биографических книг о Хэмингуэе. Наконец, пишет: «Незадолго до смерти Хэмингуэй передал мне привет». Казалось бы, искренняя взаимная приязнь налицо.

А теперь послушаем другую сторону. Хэмингуэй, оказывается, тоже оставил письменное свидетельство на сей счет – в романе «По ком звонит колокол», в главе 32. Дело происходит там же, в «Гейлорде»:

– Карков, – окликнул его человек среднего роста, у которого было серое, обрюзглое лицо, мешки под глазами и отвисшая нижняя губа, а голос такой, как будто он хронически страдал несварением желудка. – Слыхали приятную новость?.. Сегодня под Сегевией фашисты целый день дрались со своими. Им пришлось пулеметным и оружейным огнем умирять восставших. Днем они бомбили свои же части с самолетов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.